

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ВОСТОКА И ЗАПАДА POLITICAL HISTORY OF THE EAST AND THE WEST

DOI: 10.22363/2312-8127-2025-17-4-488-499

EDN: JROMLW

Научная статья / Research article

Великие державы и англо-бурская война 1899–1902 гг.: причины невмешательства

Б.М. Горелик

Институт Африки РАН, Москва, Российская Федерация

 boris.gorelik@inafr.ru

Аннотация. Англо-бурская война 1899–1902 гг. вызвала повышенный интерес международной общественности, подогреваемый новостями о негуманном обращении оккупантов с гражданским населением Южно-Африканской Республики и Оранжевого Свободного Государства. Однако, несмотря на наличие инструментов миротворчества, таких как добрые услуги и посредничество, предусмотренных Гаагской конвенцией 1899 г., и симпатии общественности к бурам, правительства великих держав соблюдали нейтралитет. Целью исследования — выявить факторы, повлиявшие на позиции первостепенных держав, чтобы определить, почему Германия, Франция, Россия и США не смогли действовать сообща для урегулирования этого конфликта. Благожелательный нейтралитет США стал результатом их политического сближения с Великобританией, подкрепленного значительным экспортом военных материалов и предоставлением кредитов британскому правительству. Политика Германии была продиктована соперничеством с Лондоном, с одной стороны, и противостоянием русско-французскому союзу, с другой, а германский нейтралитет был платой за уступки Великобритании в колониальных вопросах. Во Франции, несмотря на антибританские настроения после Фашодского инцидента, возобладал pragmatичный курс на сближение с Лондоном в противовес Германии. В России pragматические соображения (нежелание осложнять отношения с Великобританией) взяли верх над симпатиями общества к бурам. Проведенное исследование показало, что взаимные противоречия и опасения военно-морского превосходства Великобритании помешали скоординировать усилия первостепенных держав. Вместо этого Германия, Россия, США и Франция использовали отвлечение сил Великобритании на юге Африки ради достижения своих geopolитических целей в других регионах.

© Горелик Б.М., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Ключевые слова: внешняя политика великих держав, колониализм, империализм, Южная Африка, Великобритания, США, Россия, Франция, Германия

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 09.04.2025; принята к публикации 22.07.2025.

Для цитирования: Горелик Б.М. Великие державы и англо-бурская война 1899–1902 гг.: причины невмешательства // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2025. Т. 17. № 4. С. 488–499. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2025-17-4-488-499> EDN: JROMLW

The great powers and the Anglo-Boer War of 1899–1902: reasons for non-intervention

Boris M. Gorelik

Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

 boris.gorelik@inafr.ru

Abstract. The Anglo-Boer War of 1899–1902 aroused heightened interest among the international community, fuelled by reports of the occupiers' inhumane treatment of the civilian population of the South African Republic and the Orange Free State. However, despite the availability of peacekeeping instruments such as good offices and mediation provided for in the Hague Convention of 1899, and widespread sympathy for the Boers, the governments of the great powers remained neutral. The purpose of this study was to identify the factors that influenced the positions of the major powers in order to determine why Germany, France, Russia and the United States were unable to work in concert to resolve this conflict. The benevolent neutrality of the United States was the result of its political rapprochement with Great Britain, reinforced by significant exports of military materials and the provision of loans to the British government. Germany's policy was dictated by its rivalry with London on the one hand and its opposition to the Russian-French alliance on the other, while German neutrality was the price paid for concessions to Great Britain on colonial issues. In France, despite anti-British sentiment after the Fashoda Incident, a pragmatic course of rapprochement with London prevailed in opposition to Germany. In Russia, pragmatic considerations (unwillingness to complicate relations with Great Britain) prevailed over public sympathy for the Boers. The study shows that mutual differences and fears of British naval superiority prevented the major powers from coordinating their efforts. Instead, Germany, Russia, the United States and France used Britain's distraction in southern Africa to achieve their own geopolitical goals in other regions.

Keywords: foreign policy of the great powers, colonialism, imperialism, South Africa, Great Britain, United States, Russia, France, Germany

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

Article history: Received: 09.04.2025. Accepted: 22.07.2025.

For citation: Gorelik BM. The great powers and the Anglo-Boer War of 1899–1902: reasons for non-intervention. *RUDN Journal of World History*. 2025;17(4):488–499. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2025-17-4-488-499> EDN: JROMLW

Введение

В 1899 г. на юге Африки разразилась вторая англо-бурская война. В отличие от первой англо-бурской войны (1880–1881), оставшейся конфликтом регионального значения, на этот раз противостояние Британской империи и Южно-Африканской Республики в союзе с Оранжевым Свободным Государством вызвало у международной общественности повышенный интерес [1. С. 83]. Благодаря телеграфу новости о южноафриканских событиях быстро распространялись по миру. Общественные деятели и « рядовые » граждане возмущались тем, что Великобритания вознамерилась подчинить себе далекие республики на юге Африки и британская армия прибегает к тактике « выжженной земли » и массовому интернированию гражданского населения. Во многих странах начались кампании по сбору средств в помощь раненым защитникам бурских республик, а также добровольческое движение. Политические объединения и партии различных направлений рассматривали сопротивление бурских вооруженных формирований как выдающийся пример антиимпериалистической борьбы [2. С. 11–13].

При этом правительства великих держав, так же как во время первой англо-бурской войны, соблюдали нейтралитет, не оказывая республикам не только военной, но и политической поддержки. К этому времени почти вся Африка была разделена между европейскими державами; независимость сохраняли лишь Либерия, Эфиопия и две бурских республики — Южно-Африканская Республика (Трансвааль) и Оранжевое Свободное Государство. Поэтому южноафриканскую войну 1899–1902 гг. рассматривается в контексте империалистического передела континента. Понятно нежелание конкурентов Великобритании вступать с ней в войну за независимость бурских республик. В то время среди великих держав она вела самую активную колониальную политику, стремясь, в частности, соединить свои владения от Египта до южной оконечности континента. Главным инструментом британской экспансии служил мощный военно-морской флот, поддерживаемый самыми высокими в мире военными расходами на душу населения [3. С. 63].

Великобритания была опасным соперником других колониальных держав. Но в их распоряжении уже имелись инструменты миротворчества, не требующие использования военной силы. На Гаагской конференции 1899 г. была подписана конвенция «О мирном разрешении международных споров», нейтральные государства получили право предложить воюющим государствам добрые услуги (иницирование прямых двусторонних переговоров) или посредничество (активное участие в переговорах). Согласно конвенции, противоборствующие стороны не имели оснований рассматривать такое предложение как недружественный акт [4. С. 19]. Англо-бурская война, разразившаяся всего через 2,5 месяца после завершения конференции в Гааге, давала возможность впервые применить ее постановления на практике.

Почему же США и ведущие европейские державы не объединили усилия, чтобы побудить Великобританию прекратить боевые действия и заключить почетный мир с бурскими республиками?

США

Американский благожелательный нейтралитет во время англо-бурской войны стал результатом сближения с Великобританией, начавшегося в предыдущие годы [5. Р. 107–108]. Признаки сближения проявились во время испано-американской войны 1898 г., когда Великобритания, в отличие от континентальных европейских держав, не поддержала Испанию. Британское правительство было настроено укреплять политические отношения с Соединенными Штатами как империалистической державой, участвующей в борьбе за глобальное влияние.

Еще раньше, в 1896 г., Великобритания приняла требование США об арбитраже в споре о границе между Венесуэлой и Британской Гайаной, что американцы также расценили как проявление доброй воли. В 1899 г. Соединенные Штаты и Великобритания действовали сообща на переговорах с Германией по Самоа, а также на Гаагской конференции при разработке положений о международном арбитражном суде.

Политико-экономические интересы США на юге Африки не были существенными, поэтому в 1899–1902 гг. американское правительство продолжило курс на сближение с Великобританией. В начале южноафриканской войны Соединенные Штаты предложили Великобритании представлять ее интересы в бурских республиках. Великобритания поощряла англофильскую политику президента У. Мак-Кинли, охотно содействуя устраниению разногласий по поводу строительства Панамского канала и согласованию границы между Аляской и Британской Колумбией. Идеологи этого курса — госсекретарь Дж. Хей, а позднее — Т. Рузвельт, ставший президентом в 1901 г., — полагали, что победа Великобритании, аннексия бурских республик и их вхождение в единое англоязычное государство соответствуют интересам США. В годы англо-бурской войны экспорт из Соединенных Штатов в Великобританию заметно увеличился. Из США британские армии получала боеприпасы, провиант и десятки тысяч лошадей. Американские кредиты обеспечили около 20 % финансирования британской военной кампании [5. С. 112].

Британское правительство высоко оценило благожелательный нейтралитет США во время южноафриканской войны. Администрации Мак-Кинли и Рузвельта придерживались его несмотря на пробурские настроения американской общественности, прессы и конгрессменов. По сообщению российского посла в Вашингтоне А.П. Кассини, Хей заявил представителю Трансвааля в январе 1900 г., что вмешательство в англо-бурский конфликт, включая посредничество, невозможно, поскольку

не соответствует американским политическим традициям. «Я полагаю, однако, — заметил Кассини в своем донесении, — что, если бы предложение исходило от Англии, что в настоящее время маловероятно, Соединенные Штаты согласились бы без колебания»¹.

Победа Мак-Кинли на президентских выборах 1900 г. показала, что судьба бурских республик волновала американских избирателей все же меньше, чем состояние экономики США и продолжавшийся филиппино-американский вооруженный конфликт [5. С. 117]. В годы южноафриканской войны зарождавшаяся американо-британская дружба прошла проверку на прочность. При преемнике Мак-Кинли, Т. Рузвельте, «особые отношения» с Великобританией стали основой американской внешней политики.

Германия

Попытки европейских держав организовать коллективное посредничество в англо-бурской войне неизменно наталкивались на сопротивление Германии. Без участия самой мощной в индустриальном и военном отношении континентальной державы такая инициатива была обречена. Внешняя политика Германской империи под руководством кайзера Вильгельма II определялась сложным балансированием между соперничеством с Великобританией и противостоянием русско-французскому союзу.

С 1890-х гг. Германия проводила активную политику мировой экспансии, стремясь утвердиться в качестве мировой державы. Это сопровождалось наращиванием военной мощи, особенно военно-морского флота, и дипломатическими маневрами для использования противоречий между своими вероятными противниками. Германия стремилась подталкивать Великобританию и русско-французский союз к конфликтам на других континентах, извлекая выгоду из их затруднений [6. С. 63].

Первоначально Германия демонстрировала симпатии к бурским республикам. В знаменитой телеграмме трансваальскому президенту П. Крюгеру в 1896 г. после «набега Джемсона» (инспирированной премьер-министром Капской колонии попытки государственного переворота в Южно-Африканской Республике) кайзер намекнул на возможное германское вмешательство в случае британской агрессии. Берлин даже вынашивал идею нейтрализации Южно-Африканской Республики под гарантии европейских держав. Однако это пробурское направление оказалась недолговечным. Германия не желала серьезного обострения отношений с Великобританией и вскоре перешла к тактическому сотрудничеству с ней. Идеолог германской внешней политики барон Ф.А. фон Гольштейн убедил кайзера, что

¹ Телеграмма А.П. Кассини М.Н. Муравьеву, 12 (24) января 1900 г. Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. 151. Оп. 482. Д. 2121. Л. 38.

целесообразнее смириться с британскими претензиями на Трансвааль в обмен на колониальные уступки в других регионах [7. С. 28].

В свою очередь, британское правительство, осознавая пределы своей политики «блестящей изоляции», рассматривало возможность сближения с Германией и Тройственным союзом. Результатом стало англо-германское соглашение 1898 г., согласно которому Германия фактически признавала, что Трансвааль и стратегически важная бухта Делагоа в Португальском Мозамбике относятся к сфере британских интересов. Курс на дистанцирование от англо-бурского конфликта был подтвержден визитом Вильгельма II и статс-секретаря по иностранным делам Бюлова в Великобританию в ноябре 1899 г. В том же месяце был урегулирован спор из-за архипелага Самоа, и Германия получила острова в Тихом океане в обмен на отказ Великобритании от претензий на них — по сути, компенсацию за германский нейтралитет в южноафриканском вопросе.

Этот нейтралитет, однако, не отражал личных симпатий германского руководства, которое, вероятно, продолжало сочувствовать бурям [8. С. 48–49]. Но прагматические соображения перевесили. С политической точки зрения, поддержка сильнейшей стороны выглядела целесообразной. С экономической — германский капитал находил более перспективные рынки вне Южной Африки, а предприниматели в Трансваале надеялись на улучшение условий для своей деятельности и рост импорта из Германии после установления британского правления [9. С. 102].

Главным же фактором, определявшимдержанность Германии, был страх перед британским военно-морским превосходством и уязвимостью германских колоний в Африке. Кайзер Вильгельм II в письме Бюлову 29 октября 1899 г. откровенно писал: «Если бы сейчас англичанам хотя бы как-то помешали в их делах, они тут же легким движением локтя сбросили бы всех нас, сидящих на краю Африки, прямо в море, и мы не смогли бы ничего поделать с этим» [10. С. 408]. Бюлов приводил тот же аргумент в беседах с российским послом и трансваальским посланником [11. С. 24]². Германия демонстрировала лояльность Лондону, желая «успеха британскому оружию» и пытаясь сдерживать антибританскую кампанию в прессе (см. донесения сэра Ф. Ласелса, британского посла в Германии, премьер-министру лорду Солсбери, 20 декабря 1899 г. и 2 марта 1900 г. [12. Р. 243–244, 253]). Ценой этого нейтралитета стали не только острова Самоа, но и согласие Великобритании на реализацию важного для Германии проекта Багдадской железной дороги.

В то же время Германия не отказывалась от своих долгосрочных планов экспансии. В 1900 г. был принят новый закон о флоте, ускорявший гонку морских вооружений с Великобританией. Германское правительство продолжало играть

² Телеграмма Н.Д. Остен-Сакена, 31 декабря 1899 г. (12 января 1900 г.). АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1899 г. Д. 16. Л. 109–109 об, 112.

на противоречиях Великобритании с русско-французским союзом, стремясь оставаться нужным обеим сторонам и получать дальнейшие уступки. Германский посол в Лондоне в ноябре 1899 г. так сформулировал эту тактику в письме Гольштейну: «У меня нет опасений, что мы можем оказаться между двух стульев, так как, что бы ни произошло, мы будем нужны обеим сторонам» [10. S. 411].

Однако эта двойственная политика вызвала растущее недоверие в Лондоне. К 1900 г. британское правительство стало сомневаться в возможности реального сближения с Германией, которая уклонялась от принятия на себя союзнических обязательств, но укрепляла флот, угрожавший британскому господству на море. Нейтралитет Германии в южноафриканской войне стал восприниматься как циничный оппортунизм, использование трудностей Великобритании в своих целях [7. P. 34–35, 37–38]. К концу англо-бурской войны геополитические амбиции и военно-морская программа Германии вызывали больше опасений, чем разногласия с Францией и Россией. Результатом стало изменение внешнеполитического курса Великобритании при короле Эдуарде VII: заключение соглашений с Францией (1904) и Россией (1907) и формирование Антанты — блок, противостоящий Тройственному союзу. Тактическое преимущество, полученное Германией благодаря доброжелательному нейтралитету в англо-бурской войне, обернулось для нее стратегическим проигрышем.

Франция

Заключив в 1894 г. военный союз с Россией, французское правительство почувствовало себя увереннее в противостоянии с Германией и активизировало колониальную экспансию, что привело к усилению соперничества с Великобританией, особенно в Африке. Франция стремилась расширить свои владения от Западной Африки на восток, в то время как Великобритания, контролируя Египет и Суэцкий канал, продвигалась на юг. Кульминацией этого противостояния стал Фашодский инцидент 1898 г. Это событие, воспринятое во Франции как национальное унижение, подогрело антибританские настроения, которые достигли апогея с началом англо-бурской войны [13. С. 251].

Несмотря на давление националистов, требовавших реванша за Фашоду и вмешательства в южноафриканский конфликт, министр иностранных дел Теофиль Делькассе придерживался иного курса. Он был убежден, что интересы Франции требуют постепенного сближения с Великобританией. При этом он не отказывался от укрепления союза с Россией. Фашодский инцидент показал ограниченность этого альянса, поэтому по инициативе Делькассе в 1899–1900 гг. обязательства союзников были уточнены. Теперь союзники готовы были вместе противостоять не только Германии, но и Великобритании, особенно в случае ее присоединения к Тройственному союзу [6. С. 61–62].

Делькассе скептически относился к возможности сближения с Германией. Предложения Берлина о взаимопонимании, звучавшие в начале

англо-бурской войны, воспринимались в Париже с недоверием. Нерешенным оставался вопрос об Эльзасе и Лотарингии, от претензий на которые Франция не отказывалась. Французский МИД подозревал, что Германия пытается использовать англо-французские и англо-руssкие противоречия для получения уступок, а ее намеки на сближение могут быть провокацией с целью дискредитировать Францию в глазах Лондона.

Хотя симпатии Делькассе и французского общества были на стороне буров, внешняя политика Франции в годы войны оставалась pragматичной. Экономические связи с Великобританией, особенно в финансовой сфере (привлекательность лондонского Сити для французского капитала), сохранили значение. Колониальных авантюри, способных осложнить отношения с Лондоном, Делькассе избегал, его долгосрочной целью было создание противовеса Германии путем сближения Великобритании с русско-французским союзом. В мае 1900 г. Делькассе заявил российскому послу в Париже, что союз с Англией желателен, «так как Англия закрыла бы моря для германского флота» [Цит. по: 14. С. 150].

По мере того как совместный с Германией демарш в пользу буров становился все менее вероятным, Делькассе проявлял все большую склонность избегать конфронтации с Великобританией. Франция фактически смирилась с британским преобладанием в Египте, рассчитывая получить взамен свободу действий в Марокко. В годы войны проходили англо-французские переговоры по урегулированию колониальных вопросов, например, о расширении французской концессии в Шанхае и освоении Гуанчжоувана в Китае³.

Важную роль играли и внутриполитические факторы. Франция еще не оправилась от скандала, вызванного делом Дрейфуса. Правительство стремилось к стабильности и гражданскому миру в преддверии Всемирной выставки 1900 г. в Париже. Выступая в парламенте в декабре 1899 г., Делькассе, ссылаясь на формальные причины, заявил об отсутствии оснований для предложения посредничества сторонам южноафриканского конфликта. Однако, соблюдая нейтралитет на государственном уровне, французское правительство не препятствовало французским оборонным предприятиям поставлять вооружения и отправлять консультантов в бурские республики [14. С. 148].

Россия

На рубеже XIX–XX вв. интересы России и Великобритании сталкивались, прежде всего, в Центральной и Западной Азии, на Дальнем Востоке и на Балканах. Россия не участвовала в колониальном разделе Африки. На юге этого континента политическое и экономическое присутствие России

³ Всеподданнейшая записка М.Н. Муравьева, 25 января (6 февраля) 1900 г. АВПРИ. Ф. 138. Оп. 467. Д. 191/187. Л. 4 об.

было минимальным. Тем не менее, российское правительство понимало, что временное ослабление Великобритании во время южноафриканской войны давало возможность усилить позиции России в Азии. Кроме того, после Гаагской мирной конференции 1899 г. от России, как ее инициатора, ожидали моральной поддержки мира, особенно учитывая широкие симпатии российского общества к бурам.

Однако прагматические соображения взяли верх. Российские дипломаты осознавали опасность прямой конфронтации с могущественной Великобританией из-за далекого южноафриканского конфликта. Посол в Лондоне Е.Е. Стааль еще в ноябре 1899 г. предупреждал, что симпатии к бурам должны уступать национальным интересам, а перенос конфликта в Европу «может положить начало самым грозным осложнениям» [15. Р. 426–427]. Его коллега в Париже Л.П. Урусов считал идею вмешательства «донкихотской политикой», учитывая подавляющее превосходство британского флота⁴.

Решающим фактором, определившим политику невмешательства, стала внутренняя слабость самой России. Несмотря на огромную территорию и армию, страна серьезно отставала в промышленном и финансовом отношении. Нарастало социальное напряжение, вызванное забастовками, крестьянскими волнениями и общим тяжелым положением населения (по оценке министра финансов С.Ю. Витте, около 90 из 130 млн жителей были «нищими»)⁵. Главным приоритетом правительства была внутренняя модернизация и дорогостоящая экспансия в Азии, прежде всего в Китае и Центральной Азии. Огромные ресурсы поглощало строительство портов и стратегически важных железных дорог. Витте подчеркивал, что «все эти важные, но крайне дорогие предприятия <...> лежат и будут ложиться немалым бременем на русском народе»⁶.

Витте активно прибегал к внешним займам, в основном французским, и осознавал важность доступа к финансовым рынкам Лондона, что делало конфликт с Великобританией крайне нежелательным [16. С. 94]. Начавшийся в 1900 г. экономический кризис усугубил ситуацию. Россия не могла позволить себе воевать с первой морской державой мира.

Не было возможностей и для невоенного вмешательства. Неоднократные попытки России в ноябре 1899 — марте 1900 г. организовать миротворческий демарш совместно с Францией и Германией провалились из-за позиции германского правительства. Кроме того, Великобритания настаивала,

⁴ Донесение В.В. Муравьева-Амурского, 23 ноября (6 декабря) 1900 г. ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 66. Л. 109–109 об.

⁵ Дневник А.Н. Куропаткина. Запись от 26 декабря 1897 г. (7 января 1898 г.). Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 165. Оп. 1. Д. 1871. Л. 12.

⁶ Письмо С.Ю. Витте М.Н. Муравьеву, 10 (22) февраля 1900 г. АВПРИ. Ф. 138. Оп. 467. Д. 191/187. Л. 17 об.–18.

что южноафриканская война — внутреннее дело ее империи и категорически отвергала международное посредничество. Строгий нейтралитет позволял российскому правительству избегать осложнений в отношениях с Великобританией. Как заметил Стааль осенью 1899 г.: «К счастью для нас, мы не имеем непосредственных интересов на юге Африки. Поэтому мы можем спокойно и беспристрастно наблюдать как за ближайшими событиями, которые там произойдут, так и за колониальными или политическими преобразованиями, которые последуют за ними» [15. С. 422].

В Петербурге надеялись использовать британские затруднения на юге Африки для укрепления российских позиций в Азии. Наибольших успехов удалось добиться в Персии (займы 1900 и 1902 гг., торговый договор 1901 г.) [17. С. 125].

Заключение

Захват Южно-Африканской Республики и Оранжевого Свободного Государства стал в 1899 г. принципиальным вопросом для британского правительства. Ради этой цели Великобритания была готова на большие жертвы. В то же время другие ведущие державы не имели прямых территориальных интересов в зоне англо-бурского конфликта. Они опасались военной и экономической мощи Великобритании, особенно ее флота, который мог легко пресечь попытку переброски их войск в Южную Африку. Рисковать войной с Лондоном ради суверенитета далеких республик казалось нецелесообразным.

Невоенное вмешательство, продиктованное гуманитарными соображениями и предусмотренное Гаагской конвенцией, тоже оказалось неосуществимым. Державы не решались на совместный дипломатический демарш для примирения сторон южноафриканского конфликта, опасаясь негативной реакции Лондона и будучи не в силах преодолеть собственные разногласия. Великобритания, со своей стороны, ясно давала понять, что отвергает любое международное посредничество. Поэтому Германия, Россия, США и Франция сосредоточились на том, чтобы использовать отвлечение сил Великобритании в Южной Африке для достижения своих geopolитических целей. Все это помешало скоординировать усилия нейтральных держав для урегулирования вооруженного конфликта на юге Африки.

Список литературы

1. Lowry D. “The play of forces world-wide in their scope and revolutionary in their operation [J.A. Hobson]”: The South African war as an international event // South African Historical Journal. 1999. Vol. 41. No. 1. P. 83–105. <https://doi.org/10.1080/02582479908671886>
2. Англо-бурская война 1899–1902 годов: опыт и перспективы исследования : коллективная монография. М. : Институт Африки РАН, 2023. 372 с. EDN: WDNBUQ

3. Парфенов И.Д. Колониальная экспансия Великобритании в последней трети XIX века (Движущие силы, формы и методы). М. : Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991. 188 с.
4. Мартенс Ф. Гаагская конференция мира. Культурно-исторический очерк // Вестник Европы. 1900. № 3. С. 6–24.
5. Tilchin W.N. The United States and the Boer War // The International Impact of the Boer War / ed. by K. Wilson. Abingdon : Routledge, 2014. P. 107–122. <https://doi.org/10.1017/UPO9781844653256.009>
6. Игнатьев А.В. Внешняя политика России в конце XIX — начале XX века (Россия перед вызовами новой эпохи). М. : ГЕОС, 2011. 220 с. EDN: PYIPMP
7. Kröger M. Imperial Germany and the Boer war: from colonial fantasies to the reality of Anglo-German estrangement // The International Impact of the Boer War / ed. by K. Wilson. Abingdon : Routledge, 2014. P. 25–42. <https://doi.org/10.1017/UPO9781844653256.004>
8. Баштанов В.И. Политика правительства и позиция общественного мнения Германии в связи с англо-бурской войной (1899–1902 гг.) : дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1999. 188 с.
9. Ерусалимский А.С. Колониальная экспансия капиталистических держав и освободительное движение народов Южной Африки и Китая в XVII–XIX вв. М. : Наука, 1974. 359 с.
10. Die Grosse Politik der europäischen Kabinette, 1871–1914 / ed. by J. Lepsius, A. Mendelssohn-Bartholdy, F. Thimme. Bd. 15. Berlin : Deutsche Verlagsgesellschaft für Politik und Geschichte M.B. H., 1924. 561 s.
11. Van Hoek K. Kruger Days: Reminiscences of Dr W.J. Leyds. London, 1939. 54 p.
12. British Documents on the Origins of the War 1898–1914 / ed. by G.P Gooch., H. Temperley. Vol. 1. London : His Majesty's Stationery Office, 1927. 355 p.
13. Wesseling H.L. Divide and Rule: The Partition of Africa, 1880–1914. Westport, Connecticut; London : Praeger, 1996. 446 p.
14. Никитина И.А. Захват бурских республик Англией (1899–1902 гг.). М. : Наука, 1970. 213 с.
15. Correspondance diplomatique du Baron de Staal (1884–1900) / ed. by A. Meyendorff. Vol. II. Paris : Librairie Marcel Rivière, 1929. 499 p.
16. Игнатьев А.В. С.Ю. Витте — дипломат. М. : Международные отношения, 1989. 333 с. EDN: VVFYQH
17. Витухновский А.Л. Из истории англо-русских отношений на Среднем Востоке в начальный период англо-бурской войны // Ученые записки Петропавловского государственного университета. 1957. Т. VII. Вып. 1. Исторические и филологические науки. С. 115–130.

References

1. Lowry D. “The play of forces world-wide in their scope and revolutionary in their operation [J.A. Hobson]”: The South African war as an international event. *South African Historical Journal*. 1999;41(1):83–105. <https://doi.org/10.1080/02582479908671886>
2. Researching the Anglo-Boer War of 1899–1902: the Practice and the Future: Multi-author book. Moscow, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, 2023. (In Russ.). EDN: WDNBUQ
3. Parfenov ID. *Kolonial'naya ekspansiya Velikobritanii v poslednei treti XIX veka (Dvizhushchie sily, formy i metody)* [British colonial expansion in the last third of the 19th century (Driving forces, forms and methods)]. Moscow: Nauka publ; 1991. (In Russ.).
4. Martens F. The Hague peace conference. Cultural and historical sketch. *Vestnik Evropy*. 1900;(3):6–24. (In Russ.).

5. Tilchin WN. The United States and the Boer war. In: Wilson K, ed. *The International Impact of the Boer War*. Abingdon: Routledge; 2014, p. 107–122. <https://doi.org/10.1017/UPO9781844653256.009>
6. Ignat'ev AV. *Vneshnyaya politika Rossii v kontse XIX — nachale XX veka (Rossiya pered vyzovami novoi epokhi)* [Russian foreign policy in the late 19th — early 20th century (Russia facing the challenges of the new era)]. Moscow: GEOS publ; 2011. (In Russ.). EDN: PYIPMP
7. Kröger M. Imperial Germany and the Boer war: from colonial fantasies to the reality of Anglo-German estrangement. *The International Impact of the Boer War*. In: Wilson K, ed. Abingdon: Routledge; 2014, p. 25–42. <https://doi.org/10.1017/UPO9781844653256.004>
8. Bashtanov VI. *Politika pravitel'stva i pozitsiya obshchestvennogo mneniya Germanii v svyazi s anglo-burskoi voynoi (1899–1902 gg.)* [German government policy and the attitude of German public opinion in connection with the Anglo-Boer War (1899–1902)] [Dissertation]. Tomsk; 1999. (In Russ.).
9. Erusalimskii AS. *Kolonial'naya ekspansiya kapitalisticheskikh derzhav i osvoboditel'noe dvizhenie narodov Yuzhnoi Afriki i Kitaya v XVII–XIX vv.* [Colonial expansion of capitalist powers and the liberation movement of the peoples of Southern Africa and China in the 17th–19th Centuries]. Moscow: Nauka publ.; 1974. (In Russ.).
10. Lepsius J, Mendelssohn-Bartholdy A, Thimme F, eds. *Die Grosse Politik der europäischen Kabinette, 1871–1914*. Bd. 15. Berlin: Deutsche Verlagsgesellschaft für Politik und Geschichte M.B. H.; 1924.
11. Van Hoek K. *Kruger Days: Reminiscences of Dr W.J. Leyds*. London; 1939.
12. Gooch GP, Temperley H, eds. *British Documents on the Origins of the War 1898–1914*. Vol. 1. London: His Majesty's Stationery Office; 1927.
13. Wesseling HL. *Divide and Rule: The Partition of Africa, 1880–1914*. Westport, Connecticut; London: Praeger; 1996.
14. Nikitina IA. *Zakhvat burskikh respublik Angliei (1899–1902 gg.)* [The seizure of the Boer republics by England (1899–1902)]. Moscow: Nauka publ.; 1970. (In Russ.).
15. Meyendorff A, ed. *Correspondance diplomatique du Baron de Staal (1884–1900)*. Vol. II. Paris: Librairie Marcel Rivière; 1929.
16. Ignat'ev AV. *S.Yu. Witte — diplomat* [S.Y. Witte as a diplomat]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya publ.; 1989. (In Russ.). EDN: VVFYQH
17. Vitukhnovskii AL. On the history of Anglo-Russian relations in the Middle East in the initial period of the Anglo-Boer War. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoricheskie i filologicheskie nauki*. 1957;8(1):115–130. (In Russ.).

Информация об авторе:

Горелик Борис Музеевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра изучения стран Африки южнее Сахары, Институт Африки РАН, Российская Федерация, 123001, Российская Федерация, Москва, ул. Спиридоновка, д. 30/1, e-mail: boris.gorelik@inafr.ru ORCID: 0000-0001-8839-3889. SPIN-код: 4373-7972.

Information about the author:

Boris M. Gorelik — Candidate of Sciences in History, Senior Research Fellow, Centre for Sub-Saharan Africa, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, 30 Spiridonovka st, bldg. 1, Moscow, 123001, Russian Federation, e-mail: boris.gorelik@inafr.ru ORCID: 0000-0001-8839-3889. SPIN-code: 4373-7972.